

Коктейльные вечеринки

Автор:

Анна Берсенева

Коктейльные вечеринки

Анна Берсенева

«Еще неизвестно, есть ли у тебя какой-нибудь талант, а жить как все люди ты уже не хочешь», – говорит Маше Морозовой владелец фирмы, в которой она продает травяные чаи. И ведь прав! Маше не хочется прожить скучную жизнь, не для этого приехала она в Москву, не об этом мечтала, заканчивая университет. Но каждое прямое столкновение с жизнью оказывается травматичным и едва ли не токсичным даже для такой стойкой девушки, как она. И яркая любовь не помогает в выстраивании жизненной стратегии. От своей однофамилицы Веры, с которой знакомится случайно, Маша помощи тоже не ожидает. Ведь Верина молодость пришлась на 60-е годы. Но случайностей не бывает...

Анна Берсенева

Коктейльные вечеринки

© Сотникова Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Часть I

Глава 1

– В общем, ты не подарок, – заключил Игорь.

– Так ведь и ты не праздник, – тут же отозвалась Маша.

За словом она в карман не лезла никогда, но это не значило, что каждое ее слово было правдивым. Сейчас, например, она врала безбожно: Игорь был в ее жизни именно праздником, и то, что она испытывала в данную минуту, последний раз было испытано в пять лет – когда с новогодней елки снимались игрушки и становилось ясно, что все кончено и завтра снова в детский сад на круглосуток.

– Жить с тобой легко, не спорю, – сказал Игорь. – Ты все умеешь, во всем рассчитываешь на свои силы и не ждешь, что тебя будут обслуживать.

Личным своим достижением Маша все эти навыки не считала. Она уехала из дому так рано, что они приобрелись как-то сами собой, незаметно, и было бы странно, окажись иначе.

– Но и сама никого обслуживать не собираешься, – добавил Игорь.

– А ты бы хотел!

– Обслуживания, может, и не хотел бы.

– Может!..

– Но оказалось, что какая-то человеческая забота мне необходима. Странно, но так. Я сам удивился, – не обращая внимания на ее насмешливый тон, невозмутимо ответил он. – А получить ее от тебя не представляется возможным. Ты, похоже, на нее органически не способна.

Чертов аналитик, чертов!.. Все раскладывает по полочкам. Когда-то ей это понравилось. А вот как обернулось...

- Когда ты квартиру найдешь? - спросил Игорь.

- Почему это я? - возмутилась Маша. - Сам поищи!

- Я уже нашел.

И что на это скажешь? Чистая правда: квартиру, под окнами которой они сидят на лавочке за кустом отцветающей сирени, нашел и снял он, Маша к нему прицепилась, как вагон к локомотиву. А теперь придется отцепиться.

Если б он хоть не был такой красивый! Может, не так обидно было бы. Но он, как назло, именно что красивый, как с портрета Гейнсборо. Маша часами эти портреты в Национальной картинной галерее разглядывала.

Может, если бы она не болталась еще мыслями в Лондоне, то и не обратила бы на Игоря внимания в очереди на паспортный контроль в Шереметьеве. Денег у нее оставалось только на аэроэкспресс, но рейс задержали, и экспресс уже не ходил, Игорь подвез ее на такси до Хамовников, где она снимала квартиру пополам с бывшей однокурсницей, такси отпустил, потому что увидел ночное кафе, а он проголодался или, может, не проголодался, а другая была причина, во всяком случае, предложил поужинать или, может, позавтракать, они проболтали час или полтора, им было легко и хорошо. Провожая Машу до подъезда, он сказал, что как раз ищет новую квартиру и что судьба не зря забросила его в Хамовники - отличная локация, на ней теперь и сосредоточится.

И что это за причина для того, чтобы сойтись? Легко и хорошо!.. Да ей со всеми легко и как минимум неплохо, это совершенно не повод влюбиться и быть счастливой. И вдохновенная ночная болтовня с последующей прогулкой вдоль каких-то кустов, в которых разливаются соловьи, по сути, ничем не отличается от точно такой же ночной болтовни в чате. Соловьев можно фоном включить, программ полно, зато и выключиться из всего этого можно в любую минуту, и не будет потом сниться обведенное светом лицо, диктуя неадекватную поведенческую стратегию.

Поймав свой разум на этой фразе, Маша сообразила, что опаздывает на работу.

– За неделю найду, – сказала она. – Ты пока у Ильи поживи.

Временно перебраться к приятелю Игорь и сам догадался бы, может. Но ей не хотелось, раз уж жить под одной крышей больше не будут, чтобы он был инициатором благородного поступка. Лучше пусть она, съезжая с его квартиры, будет инициатором поступка благоразумного. Если все это можно так назвать.

– Ладно. – Игорь кивнул, ей показалось, с облегчением. – На неделю переехать смогу. Не к Илюхе, но не важно.

Интересно, чего он ожидал? Что она умолять его будет: ах, любимый, не бросай меня, я без тебя жить не могу? Ну да, может, что и не может. Но его это не касается.

Мало этого его лица светящегося, еще и походка!.. От нее она и утратила разум год назад. Такая походка бывает у людей, для которых мир создан.

Дождавшись, когда Игорь скроется в подъезде, Маша поднялась с лавочки и направилась к метро. Хорошо хоть он объявил о необходимости расстаться не до, а после завтрака. Завтракать они ходили в кафе на первом этаже их дома, там сырники вкусные, особенно с манговым джемом... Какая же чушь лезет в голову от досады!

Всю дорогу по красной ветке Маша глотала слезы, а на зеленой поняла, что пора это прекращать. Явишься на работу с распухшим носом, обязательно кто-нибудь спросит, что случилось, настроения врать нет, говорить правду тем более. А начальник – псих и психолог одновременно, поэтому его внимания не хочется особенно.

Офис, в котором Маша трудилась с прошлой весны, занимал половину цокольного этажа в одном из длинных зданий, тянувшихся вдоль Ленинградского проспекта. Когда искала работу, главным для нее было местоположение – чтобы близко к центру и к метро. На то и другое она обращала даже больше внимания, чем на зарплату, потому что зарплату ей везде предлагали примерно одинаковую. Сокол подошел к ее незамысловатым требованиям, и Маша стала торговать чаем на Соколе.

Вернее, не самим чаем, а его образом. Да, следовало признать, что к неполным двадцати пяти годам она только и научилась, что продавать образы. Ну и ладно, другие и того не умеют.

Фирма была большая, травяные чаи составляли лишь часть ее оборота. Еще продавались кремы и бальзамы, которые можно было считать относительно полезными, и пищевые добавки, которые Маша считала бесполезными совершенно. Но и не вредными, так что на этот счет не стоило испытывать угрызений совести. Если их вообще стоило испытывать в связи с такой ни шаткой ни валкой работой, как у нее.

Все-таки она опоздала, и хотя всего на пятнадцать минут, это было замечено: по закону подлости именно сегодня явился ровно к началу рабочего дня клиент, и именно его псих и психолог направил к Маше, о чем этот клиент с приятной улыбкой ей и сообщил.

Он сидел рядом с ее столом, листал каталоги, и глаза его излучали ясный свет.

«Принесла тебя нелегкая», – подумала Маша и, бросив взгляд на протянутую ей визитку, сказала:

– Рассказывайте, Виктор Витальевич, чего вы от меня хотите. В смысле, чем я могу вам помочь, – спохватилась она.

Он улыбнулся совсем уж лучезарно и ответил:

– Скорее это я могу вам помочь, Мария Генриховна.

По отчеству Машу называли только полицейские, несколько раз проверявшие у нее паспорт на улице. Но у Виктора Витальевича это вышло непринужденно.

Он оказался владельцем православного издательства и пришел с предложением выпускать этикетки, с которыми травяные чаи могли бы продаваться в церковных лавках. Маша несколько оторопела от того, что ей предлагается вести такие крупные переговоры – лавок-то этих сколько, это же огромные деньги! – но выяснилось, что переговоры уже состоялись без ее участия, а с Машей Виктор Витальевич намерен обсудить только тексты для этикеток и

вкладышей в чайные упаковки.

Что в ее личности дало начальнику основания считать, что именно с ней стоит обсуждать произведения такой тематики, было для нее загадкой. Но не у клиента же это выяснять.

– А когда вы хотите получить тексты? – осторожно поинтересовалась она.

– Собственно, я не хочу их получить, – ответил он. – Насколько я понял Олега Антоновича, я должен их вам предоставить, а вы должны их утвердить.

Ага, это уже ближе к реальности. Хотя тоже довольно смешно – она утверждает тексты для православных этикеток! Ну ладно, выбирала же однажды рисунки мандал, которые ее соседка по общежитской комнате закупала для буддийского интернет-магазина. Мир глобален, никогда не знаешь, чем в нем придется заняться, и удивляться не стоит никакому занятию.

– Чему вы улыбаетесь, Мария Генриховна? – спросил клиент.

– Своим мыслям... – Хорошо, что визитку не убрала, пришлось снова скосить на нее глаза. – Виктор Витальевич.

– Мыслям о том, что вы далеки от православной тематики? – догадливо поинтересовался он.

Не требовалось вообще-то особой догадливости для того, чтобы это понять. Тельняшка, скроенная так, чтобы сползала с одного плеча, колечко с чертиком из вулканической лавы с острова Лансароте и сине-зелено-оранжевые ногти – все это под изучающим взглядом Виктора Витальевича показались Маше каким-то неуместным. Она машинально дернула плечом и даже чуть не спрятала руки под стол. Но тут же рассердилась на себя за это – чего стесняться? еще не хватало! – и положила руки перед собой, и даже пальцы растопырила, чтобы проще было разглядеть чертика.

– Вообще-то да, – ответила она. – К христианству настороженно отношусь. Инквизиция, все такое.

– Об инквизиции в обывательском сознании – я не о вас, разумеется! – существует слишком много мифов. – Он покачал головой, и от его бородки повеяло нежным ароматом. – А если обратиться не к мифам, а к фактам, то сразу обнаруживается, что смысл процессов над ведьмами заключался в том, чтобы спасти их от самосуда неграмотных крестьян и подвергнуть официальному суду.

– В смысле, пыткам?

А он, оказывается, цельный, как кристалл. Разговор с ним наконец стал Маше интересен: ее всегда интересовали цельные люди, наверное, из-за полной ей противоположности.

– Почему обязательно пыткам? – пожал плечами Виктор Витальевич. – Некоторые сами сознавались в колдовстве.

– Вы серьезно сейчас говорите?

– Конечно. Да и не слишком-то много было сожжено в Европе так называемых ведьм. Несколько сотен всего. От чумы гораздо больше людей умерло.

– Это кто посчитал, сколько сотен?

– Не забывайте, речь о Средневековье. – Вместо ответа он улыбнулся все той же приятной улыбкой. – Тогда были совершенно другие представления о добре и зле. И инквизиция играла безусловно положительную роль.

– Слушайте, а вам не стыдно? – с интересом спросила Маша. – Вы же не очень-то молодой. В школе учились, в универе, наверно. Ну, прочитали где-нибудь глупость. Так ведь необязательно повторять.

Похоже, потерей сердечного друга и жилья неприятности сегодняшнего дня не закончатся. На очереди потеря работы.

Виктор Витальевич расхохотался. Уши у Ленки Зуевой за соседним столом от любопытства стали острыми, как у эльфа.

– Одним словом, Мария Генриховна, – сказал он, – сбросьте мне сегодня информацию о вашей продукции, а я завтра...

Видимо, он хотел сказать, что пришлет тексты на утверждение, но решил, что объясняться с ней необязательно: не того полета она птица. Правильно решил, в общем.

«Про глупость не надо было ему говорить», – уныло подумала Маша.

Но с другой стороны, если бы не сказала, то сидела бы сейчас как оплеванная, проверено. Правду говорить нелегко и не очень-то приятно, но он же вот говорит такую чушь, что уши в трубочку сворачиваются, и ничего, даже неловкости никакой не чувствует. Так почему она должна чувствовать перед ним неловкость?

– Ну, Морозова, ты вообще! – шепотом воскликнула Ленка, когда он ушел. – Ананьев этого православного две недели обхаживает, а ты...

– Зачем же он тогда ко мне его направил? – вздохнула Маша.

Зря про глупость ему ляпнула, точно. И последствия неизвестны.

– Потому что Оля Васнецова заболела, – объяснила Ленка. – С ним вообще-то она работала. Ну а почему не к тебе? Ты же не дура.

– Спорный вопрос.

Это Маша пробормотала себе под нос. Все, что произошло с ней сегодня с утра, делало этот вопрос, пожалуй, бесспорным. Для начальника точно.

Но, как ни оценивай начало дня, потянулся он обычным своим чередом. Маша поскорее сбросила клиенту рекламные материалы – даже больше, чем могло ему понадобиться для изготовления этикеток, – позвонила в супермаркет, в котором завтра должна будет проводить сэмплинг, написала в дирекцию парка, где травяные чаи со льдом будут предлагаться во время летнего праздника...

Все цеплялось одно за другое, и все помогало тому, чтобы до самого вечера не приходил ей в голову вопрос: и что, вот это все и есть моя жизнь? Есть и будет?..

И сколько ни уговаривай себя, что Игорь ничего для нее не значил, ни капельки эти уговоры не помогают.

Глава 2

Падение платежеспособности населения – это произносилось в офисе ежедневно для объяснения любых неудач – к Машинной ситуации пришлось очень кстати. Оказалось, квартир в Москве сдается столько, что глаза разбегаются, и не так уж дорого они теперь стоят. Обнаружив это, Маша повеселела. Картину ее жизни в целом это, конечно, не гармонизировало, но по крайней мере избавляло от дурацкого ощущения, что она живет приживалкой у бросившего ее мужчины. Даже если считать, что расстаться они решили обоюдно, сути это не меняло.

И вдруг выяснилось, что суть можно изменить очень быстро. Даже прямо завтра, если поднапрячься. Лента объявлений убедительно тянулась по экрану айфона, каждым своим сантиметром добавляя оптимизма.

То есть, конечно, мало оптимистичного в том, что на жизнь теперь будет оставаться вдвое меньше денег, но тут уж ничего не поделаешь. Игорь, благородно оплачивавший квартиру, в которой они жили вдвоем, исчез из ее жизни навсегда, и бесплатное жилье, значит, тоже.

Или не навсегда он исчез?..

Начать Маша решила с Сокола. Зачем ума искать и ездить далеко от работы? К тому же она недавно набрела на фейсбучную группу «Сокол – Аэропорт», записалась в нее, и теперь ей было известно, где тут едят круассаны, пьют авторский кофе и прыгают на батуте. Удаляться от всего этого в неведомый район никаких причин не было, и к осмотру квартир, выявленных поблизости, она приступила с бодростью.

Бодрость улетучивалась с каждым часом. Потом с каждым получасом. Потом с каждой минутой. К третьему адресу Маша поняла, что природа, может, и наделила ее достоинствами, которые Игорь перечислил списком, но удачливость в этот список явно не входит. Мало того что все до единой квартиры выглядели совсем не так привлекательно, как на фотографиях в объявлениях, они еще и стоили дороже, чем было в этих объявлениях указано.

– Вот зачем вы это делаете? – спросила она, оглядывая очередную полутемную комнатку с подозрительными пятнами на линялых обоях и щербатым кафелем в ванной. – Все равно же люди придут и увидят, как у вас тут на самом деле.

– Ну и что? – Хозяйка, снулая женщина с широким лицом, пожала плечами. – Людям все равно.

– Как все равно?

Маша оторопела от такого смелого заявления.

– Так. Батареи греют, вода из крана течет. Кровать двуспальная, холодильник. Телевизора нет, ну так теперь все с компьютеров смотрят. А пятна вообще без разницы.

Маша уже открыла рот, чтобы возразить, но вспомнила, как выглядел подъезд дома, в котором она прожила первые семнадцать лет своей жизни, и как мало заботил ее соседей этот вид, – и возражать не стала.

– Дорого очень, – сказала она.

– Не дороже денег.

Народная мудрость всегда нагоняла на Машу уныние. А здешние интерьеры его только усиливали.

Выйдя на Ленинградку, она решила, что отрицательных эмоций ей на сегодня хватит. Как ни приятно было бы прямо завтра сообщить Игорю, что свободна его квартира распрекрасная, но... А действительно, ведь распрекрасная – светлая студия с видом на Новодевичий монастырь, с металлической хайтековской

кухней и белым кожаным диваном. А не с продавленной койкой, ржавой ванной и тараканами в духовке – всем, что ей сейчас предложили считать достаточным для жизни.

Контрастность возникшей в голове картины придала Маше сил. Последняя из намеченных квартир находилась на улице Поленова, то есть довольно близко, хоть и на другой стороне Ленинградки. Она включила навигатор и направилась к подземному переходу.

И через полчаса поняла, что решение закончить на сегодня с поисками жилья было правильным. Знала же, с утра знала, что не ее день! И чего потащилась в этот поселок дурацкий?

Что неподалеку от метро «Сокол» есть самый настоящий поселок, Маша, конечно, слышала. Но как-то не сообразила, что улица Поленова находится именно там, иначе ни за что по этому адресу не пошла бы. Что она, старушка, чтобы ее тянуло подальше от шума городского? Тем более глупо устраивать себе деревенскую идиллию посреди Москвы, которая именно тем и хороша, что жизнь здесь идет в сумасшедшем ритме, только и подходящем нормальному человеку. Маша как поняла это восемь лет назад, впервые ступив на московскую землю, то есть буквально на землю, с самолетного трапа, так и не изменила своего мнения и менять не собиралась.

Домишко же на улице Поленова был если не деревенским – что-то скандинавское было в его остроконечной крыше, – то все-таки и не московским. Да и весь этот поселок напоминал какой-нибудь Ростов Великий, в котором она еще студенткой побывала за компанию и который запомнился ей разве что недоумением: кто решил, что положено ездить из Москвы в крошечную эту скуку?

Дом, в котором сдавалась квартира, стоял за невысоким штакетником, вдоль которого росла лебеда. Маша искала у калитки звонок, но не нашла и калитку просто толкнула. Вся эта патриархальность никакого умиления у нее не вызвала.

Звонок все-таки был у двери, к которой Маша поднялась по трем низким ступенькам, утопленным в стену дома.

И чуть не вскрикнула, когда эта дверь открылась.

Перед ней стояла женщина с обезображенным лицом. Оно было серое, бугристое и мертвое.

«Сейчас втащит в дом и задушит! – пронеслось у Маши в голове. – Или кровь выпьет».

Последнее при виде этого лица казалось даже более вероятным.

– Вы Мария? Квартиру хотите снять? – спросила похожая на колдунью женщина.

– Ага, – машинально ответила Маша.

Мария-то Мария, а снять здесь квартиру ее не заставишь теперь и под пистолетом.

– Пройдите и подождите, пожалуйста.

Она указала на узкую лестницу, по которой следовало пройти на второй этаж, и Маша поднялась по этой лестнице как замороженная. Да, вот это было точное слово: точно так мальчик Якоб вошел в дом страшной старухи, которая превратила его сначала в белку, а потом в карлика с огромным носом. В пять лет это была любимая Машина сказка, «Карлик Нос». Особенно ей нравилось, что Якоб, пока был белкой, вылавливал пылинки из солнечного луча и просеивал их сквозь самое мелкое сито, а потом из них пекли для колдуньи хлеб.

Комната – не сказочная, а обычная мансарда – была просвечена лучами закатного солнца, поэтому с каждой минутой меняла цвет. Когда Маша открыла дверь, все было палевое, а пока оглядывала обстановку – икейскую кровать, стол и стеллажи того же происхождения – стало медовое. Такой эффект происходил от того, что пол был настелен из широких некрашенных досок, а стены обшиты светлой березовой фанерой. На нескольких листах этой фанеры были нарисованы картины, но когда Маша подошла поближе, чтобы их рассмотреть, то оказалось, что разрисованные листы не отделяют стену, а просто к ней прислонены.

– Это ширмы. Можете ставить как хотите и выгораживать пространство любым образом.

Маша вздрогнула и обернулась. Она ожидала увидеть ту самую старуху с обезображенным лицом, но женщина на пороге стояла уже другая. Или нет, та же самая, по крайней мере, в том же самом платье – несмотря на свою оторопь, Маша заметила его еще когда вошла: платье-камисоль, у нее тоже такое есть, только у нее ярко-красное, а это такого же цвета, как пол и стены.

Но лицо у вошедшей женщины было уже не бугристое и мертвое, а обыкновенное, даже какое-то светящееся, ну, это тоже из-за солнца, конечно, и самые обыкновенные русые волосы были распущены по ее плечам.

– Это была маска, – сказала хозяйка; наверное, Маша смотрела на нее очень уж дурацким взглядом. – Парижская маска. Из сырой капусты. Вы пришли немного раньше, я не успела смыть.

– А почему из капусты – парижская?

Любопытство вытеснило оторопь, и Маша посмотрела на хозяйку с интересом.

– Не знаю. Бабушка так называла, ну и я тоже. Итак, вот эта комната сдается.

– А вы написали, что квартира.

– Обманула. Но не очень. Сюда есть отдельный вход. – Она кивнула на дверь, противоположную той, в которую Маша вошла из коридора. – Лестница ведет из сада. А эту дверь запрете изнутри, и мы с вами можем вообще не видеться.

– А можем видеться?

– Когда поселитесь, разберемся.

– Откуда вы знаете, что поселюсь?

– Я сразу поняла. – Глаза у нее были зеленые и сверкнули, как у самой настоящей колдуньи. – Вам здесь понравилось. И дом отнесся к вам с признью.

Бытовую мистику Маша воспринимала с насмешкой, но колдуньям можно, наверное. Любопытство одолевало ее сильнее, чем опаска.

- Ванны нет, только душевая кабина, - сказала хозяйка. - Вот здесь.

Она открыла дверь, и Маша заглянула в ванную, маленькую и, похоже, только что отремонтированную. Во всяком случае, кафель - он был такого же цвета, как березовая фанера, - от стен пока не отвалился.

- Как ваша фамилия? - спросила хозяйка.

Маша хотела спросить: «А вам зачем?» - но вместо этого полезла в сумку за паспортом. Хотя правильнее было бы сначала спросить, сколько это жилье будет стоить без обмана. Ничем иным, кроме как колдовством, объяснить свое странное поведение она не могла.

- Морозова Мария Генриховна, - прочитала хозяйка. - Надо же!

- А что такого?

- Такого ничего, но я Морозова тоже.

- Вряд ли мы родственники, - усмехнулась Маша. - Морозовых как собак нерезанных.

В ту же секунду с улицы, вернее, из сада донесся собачий лай. Маша поежилась. Слова не скажи в этом доме!

- Боятесь собак? - заметила Морозова.

- Ага. С детства. Генетически. Мама тоже боялась.

- Мамы нет?

- Есть.

- А почему в прошедшем времени говорите?

- Так, - ответила Маша.

«Не ваше собачье дело», - хотела добавить она.

Но воздержалась. Колдунья не ошиблась: жилье нравилось ей так, что даже зубы сводило.

- Собака соседская, - сказала Морозова. - Через два дома отсюда. Лает громко, да. А я только на пианино играю. К музыкальному шуму как относитесь?

- Нормально. Не ночью же вы играете.

- Обычно нет. Ну, посмотрите еще и спускайтесь вниз.

Морозова вышла. Маша тут же заперла за ней дверь на ключ, торчащий в замочной скважине, задвинула шпингалет и еще подергала дверь за ручку. Не стоит удивляться, если запоры и не действуют, здесь все может быть. Потом она открыла противоположную дверь, ту, которая, по мнению Морозовой, позволяла считать это жилье отдельной квартирой.

За дверью был сад. Маша вышла на площадку ведущей вниз открытой лестницы и оказалась прямо над жасминовыми кустами. Стояла тишина. Внизу пестрели какие-то цветы. Жасмин благоухал. Маша чихнула. Сад, тишина, жасмин - все это было излишне, но нравилось и это.

«Может, и я всему этому нравлюсь?»

Мысль была такая глупая, что это должно было даже пугать. Но не пугало.

«И плита в комнате есть, и мойка. Можно и правда с хозяйкой не видеться».

Плоскую поверхность плиты она рассмотрела на тумбочке в углу. Во вторую такую же тумбочку была вделана металлическая кухонная раковина. Жить в самом деле можно было автономно, как на подводной лодке.

Маша вернулась в комнату, заперла дверь в сад. Отперла ту, что вела в дом. Оглянулась. Солнце опустилось уже так низко, что его не видно было в мансардном окне. Комната рдела и переливалась всеми оттенками красного. Глаза с картин, написанных на фанерных ширмах, смотрели так же, как глаза Морозовой. Может, это она и была там изображена.

Маша спустилась по узкой лестнице, вошла в большую комнату внизу – там действительно стояло пианино – и сказала:

– В общем, завтра могу вселиться. Если вы не против.

– Я не против, – ответила Морозова.

Глава 3

Погода стояла – как в раю.

В сравнении с прошлогодним маем, который Маша весь проходила в пальто, потому и запомнила, это можно было считать счастьем. Если бы она считала счастье метеорологическим явлением.

Как бы там ни было, а пить кофе на веранде сразу же, как только вылезешь из постели, было очень приятно. Ну, не на веранде, а на лестничной площадке размером метр на метр, но все равно приятно.

Маша сидела на лестнице, положив на колени подставку для ноутбука, на подставке стояла джезва и тоненькая фарфоровая кофейная чашка, и состояние, в котором она пребывала, можно было назвать только нирваной. От того, что в макушку светило утреннее солнце, а босые ступни упирались в солнечное пятно на деревянной ступеньке, это состояние пронизывало ее с головы до пят в буквальном смысле слова.

– Не отвыкнуть бы из дому выходить, – сказала она.

Не громко сказала, но все-таки вслух, чтобы хоть голосом нарушить благостность картины. Вообще-то она сходила бы в ближайшее кафе и позавтракала там, и кофе там бы выпила, но вчерашняя дорога от метро домой, впервые по новому адресу, показала, что в этом идиллическом поселке ближайшего кафе просто нет. Видимо, в каждом доме имеются веранды и жителям зачарованного царства этого хватает.

– Совершенно не поздно пересаживать, – вдруг донеслось снизу. – Сейчас я тебе выкопаю.

Маша замерла. Высокие жасминовые кусты скрывали ее, сидящую на лестничной площадке, от тех, кто был в саду. Но она даже ноги опасно поджала, услышав голос колдуньи Морозовой.

– Я просто так спросила, Вера, – произнес второй голос, женский и молодой; у Морозовой он, правда, молодой тоже. – У нас же никто никогда садом не занимался. И я вряд ли буду.

– Я тоже не Мичурин, – ответила Морозова. – Но этими лилиями и заниматься не надо. Посадишь, больше от тебя ничего не требуется. Сами и вырастут, и зацветут, и перезимуют.

Морозова прошла по дорожке в дальний угол сада – если можно было назвать дальним расстояние в несколько десятков шагов, – наклонилась и детским совочком выкопала из клумбы невысокие зеленые стебли с частыми острыми листьями.

– Держи, – сказала она, возвращаясь.

Женщина, которой Морозова отдала торчащий в комке земли стебель, была видна Маше только макушкой, клипсами в ушах и носками туфель. На макушке торчал черный хвостик, клипсы в виде стеклянных вишенок переливались на солнце, туфли опознавались как продукция Джимми Чу.

– Спасибо. – Она взяла у Морозовой стебель. – Надеюсь, успеет приняться, пока мы здесь.

Маша думала, что гостя уйдет и хозяйка вместе с ней, тогда она и переберется с лестницы в комнату, не на четвереньках же уползает. Но те уселись на лавочку под жасмином. Видеть их Маша перестала, а разговор слышала отчетливо. Разговор был интересный, и уходить ей расхотелось.

В школе она очень удивилась, узнав, что, оказывается, если передаешь с кем-нибудь письмо, то его нельзя запечатывать, но читать чужие не запечатанные письма при этом считается неприличным. Где логика? Уж или запечатываешь, или позволяешь читать. И если люди разговаривают прямо у тебя под дверью, значит, ничего страшного не видят в том, что ты их разговор подслушаешь.

- Долго в Москве пробудете? - спросила Морозова.

- Около месяца. Антон дела закончит, и уедем.

- Грустно, Нэла.

- Почему?

- Я же помню, как вы с Ваней родились. Папа твой по улицам ходил пьяный, счастливый и с бутылкой шотландского виски. Ко мне тоже явился - Вера, выпьем за моих двойняшек! А у меня Кирка с ангиной, температура сорок, я как раз «неотложку» вызвала.

- Не выпили?

- Выпила, конечно. И с Киркой в Морозовскую поехала. - Морозова помолчала, потом спросила: - Как муж твой себя чувствует, не скучает по родине?

- Как ни странно, нет. Я сама не ожидала. Ему где простор, там и родина, как выяснилось.

- В Берлине, что ли, простор?

Маша расслышала, что Морозова улыбнулась.

– Берлин, кстати, да, очень просторный, – ответила Нэла. – Парки полгорода занимают. Но я не то имела в виду.

– А что?

– Антон не терпит, когда не может сделать то, что может. Из Германии потому и уехал когда-то. А теперь потому же туда и возвращается.

Смысл этих слов тоже показался Маше неясным. Может, потому что она не знала, кто такой этот Нэлин муж Антон. Кто такая Нэла, да и Морозова, она, правда, не знала тоже.

– И правильно, – сказала Морозова. – Глупо держаться за миф. Даже во времена всеобщей неясности и потери ориентиров.

– За миф?

– Сокол же типичный миф о прошлом. Хорошо там, где нас нет. В прошлом нас точно нет, потому оно и кажется прекрасным.

– Как-как вы говорите? – с интересом переспросила Нэла.

– Чехов, не я. Пойдем. – Слышно было, как Морозова поднялась со скамейки. – Пакет для лилии дам.

Они ушли в дом. Подслушивать их непонятные слова было так интересно, что Маша даже про кофе забыла и чуть не опрокинула недопитую чашку, поторопившись встать на ноги.

А поторопиться следовало: увлекшись чужими разговорами, она опаздывала на работу.

Опоздать не опоздала, но все-таки напоролась на разлитую ананьевскую ярость.

Как только Маша плюхнулась на свой стул, явилась Кордашенко-секретарша и проговорила замогильным голосом:

– Морозова, зайди к Олегу Антоновичу.

– Он так орал, что через коридор было слышно, – шепнула Ленка, когда секретарша ушла.

– Ты что себе позволяешь? – мрачно произнес Ананьев, едва Маша переступила порог его кабинета.

Он смотрел своим фирменным тяжелым взглядом, и из-за его прически, резкого ежика, казалось, что сейчас засветит в лоб, как положено бандиту. Но бандит вряд ли владел бы по нынешним временам фирмой, которая продает травяные чаи, или, во всяком случае, не сам работал бы в этой фирме генеральным директором, так что физической расправы Маша не боялась.

Нажаловался, значит, православный. А уж думала, обошлось.

– Глупость ляпнула, – с готовностью подтвердила она. – Больше не повторится.

– Ляпнула!.. Я б не удивился, если б ляпнула, чего от тебя и ждать. Клиента зачем клеила?

– Я – клеила? – У Маши даже челюсть клацнула. – Кого?!

– Богуцкого из «Перезвона».

Она вспомнила ароматную бородку, округлые щечки и такие же округлые ручки, и ей стало так смешно, что удержаться не было никакой возможности.

– Ну чего ты ржешь, Морозова? – вздохнул Ананьев. – Думаешь, он только для полевой мыши завидный жених, а для такой Дюймовочки, как ты, жуткая жуть?

Маша именно так и думала – начальник был догадлив, тем ей и нравился, несмотря даже на то, что заводился до крика по любому поводу и не повышал зарплату.

– Это он вам сказал, что я его клеила? – наконец перестав давиться смехом, спросила она.

– Не важно, кто сказал. Плечиками голыми дергала, глазки строила.

Ага, значит, не «перезвон» пожаловался. Зуева, точно. Хотя вообще-то кто угодно мог. Что все относятся к тебе хорошо или как минимум неплохо и при этом готовы сделать тебе гадость, не со зла, а ради собственной выгоды или просто так, мимоходом, – было первым открытием, которое Маша совершила, начав трудовую деятельность. Первым ее взрослым открытием это было, и до сих пор она не привыкла к тому, что так в жизни устроено и так теперь будет всегда.

– Сдался мне ваш «перезвон». – Маша дернула плечом, на этот раз не голым. – Я вообще агностик.

– Ладно, черт с ним, пускай сам за своей нравственностью следит. Садись.

Ананьев кивнул на стул напротив. И где понабрался таких навыков!.. Солнце из окна у него за спиной светит прямо Маше в лицо, ананьевского лица она поэтому не видит, а он ее видит прекрасно и сразу заметит, если она станет врать. Допрос подпольщицы прямо. И ведь без всякой же надобности – ну какие у нее тайны, которые его могли бы интересовать? Никаких.

– Маш, не надоело тебе? – спросил Ананьев.

– Что не надоело? – не поняла она.

– У тебя же образование какое. И чего? Стаканчики с чаем в супермаркетах раздаешь.

– Сама не раздаю уже.

Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что она еще и английский ездила учить? Месяц в Англии прошлым летом провела, за курсы в Брайтоне из своего кармана заплатила.

- Ну, студентов подряжаешь раздавать, - сказал Ананьев. - Для этого пять лет училась?

Вопрос был, скорее всего, риторический, но даже если бы Ананьев ожидал на него ответа, Маша такого ответа не знала. То есть зачем училась последний год, знала: чтобы на работу устроиться. Пиарщики и маркетологи нужны везде, делать им везде надо примерно одно и то же, хоть травяные чаи продавай, хоть игуан; этому она за последний год и выучилась на курсах маркетинга. А чему училась четыре года до того...

- Почему по основной специальности не стала работать?

Ананьев как будто подслушал Машины мысли. Хотя, скорее, просто уловил ее замешательство.

- Не хотела всю жизнь иметь дело с социально неадекватными людьми, - ответила она.

Правду ответила, между прочим. А подробности для него не важны. Да и с какой стати объяснять постороннему человеку, что основная специальность просто оказалась первой, которая попалась ей на глаза, когда она стала размышлять, каким образом вырваться после школы из родного города. Вырваться надо было дозарезу, и затевать рискованные авантюры с непредсказуемым финалом, вроде театрального института с его бешеным конкурсом - этого она себе позволить не могла, хотя именно авантюры лучше всего соответствовали ее характеру. Тогдашнему, во всяком случае, характеру. А психфаки с бюджетными местами имелись чуть не в каждом московском вузе, куда-нибудь да пройдешь. Так она рассудила - так и вышло.

- Тяжело с тобой, Морозова, - вздохнул Ананьев.

- Почему?

- Потому. Ведешь себя, будто у тебя талант имеется.

- Может, и имеется!

- Именно что может. А может и нет. Это когда еще выяснится. А жить, как все люди живут, не хочешь уже сейчас. Потому и тяжело с тобой. Хотя человек ты легкий. Такой парадокс. Язык подвешен, увлечь умеешь. Бренд-брифы твои читаю - песня. Сам бы чай травяной пил, если б... Короче, ты мне нравишься, - закончил он. - И пора тебе расти.

- А зарплата вырастет? - тут же поинтересовалась Маша.

Задушевность его была неожиданна, но оплата нового жилья заставила приунуть так, что это был главный вопрос, который ее сейчас волновал.

- Заработаешь - вырастет, - хмыкнул Ананьев.

В том, как он смотрел маленькими слоновьими глазками, было что-то такое, чего она никогда раньше в нем по отношению к себе не замечала. Доверие? Да, точно. Может, оно было с его стороны лестью. А может, и нет! Как ни есть, то и другое приятно.

- Навешал? - с сочувственным любопытством спросила Зуева, когда Маша вернулась из ананьевского кабинета.

- За что? - усмехнулась она.

- За православного.

Все-таки Ленка не изощрена в интригах. Сплетничать и доносить по мелочи, даже не умея этого скрыть, вот ее потолок.

Зуева сообразила, что выдала себя, и смущенно пробормотала:

- В смысле, от начальства же ничего хорошего не ожидаешь...

– А напрасно. – Маша улыбнулась широкой улыбкой. – Ты, сказал, Морозова – гений пиара.

– Прямо так и сказал, гений?

– Так и сказал. К тому же красива ты, Морозова, особенно плечи, и обаяние у тебя невольное, все клиенты говорят. И пора тебе поэтому, сказал, в начальники выходить.

– В какие начальники? – опешила Ленка.

– Вот как раз сейчас обдумываем. Он у себя на рабочем месте, я у себя.

Маша сосредоточенно уставилась на экран и застучала по клавиатуре, стараясь, чтобы глаза так и светились вдохновением. Писала, правда, самое обыкновенное письмо на фабрику, где упаковывали продукцию – выясняла, отправили ли чай журналистам, которых две недели назад она приводила посмотреть производство. Позавчера она отослала перечень тех, которые отписались по результатам презентации, и теперь надо было проверить, выполнены ли условия бартера и точно ли послали каждому журналисту по две коробки чая, а не решили обойтись одной.

Но что она пишет, Ленке не видно – пусть помучается.

Такие письма не требовали ни умственного напряжения, ни даже особой сосредоточенности, и все постороннее, что лезло сейчас в голову, составлять их не мешало.

Если бы она была не она, а московская девочка из хорошей семьи, то бросила бы психфак самое позднее после третьего курса, во время практики. Но не то у нее было положение, чтобы она могла себе такое позволить – бросить учебу за год до окончания бакалавриата, да еще учебу в вышке. Она и не бросила, но июль тот запомнила. Хотя ничего особенного не было вообще-то в том, чем она занималась в психологической консультации, куда ее направили на практику. Беседовала с людьми, которые хотят изменить свою жизнь, то есть делала бесплатно то, что в ближайшем будущем предстояло делать за неплохие деньги.

– Работа мне в общем-то нравится. Я библиотекарь. Зарплата, конечно, маленькая, но где большая зарплата. В общем, я не из-за денег. Просто хотелось бы сменить работу. Вот, пришла с вами посоветоваться.

Лет ей было сорок девять, взгляд у нее был прямой и ясный, без сумасшедшинки. Обычная женщина, обычное желание.

– А какую работу вам хотелось бы? – спросила Маша. – Что вам нравится делать?

Наверное, надо было бы спросить «что вы умеете делать?», но она подумала, что такой вопрос может показаться клиентке обидным.

– Об этом думала, конечно, – кивнула та. – Я в театральном кружке занимаюсь – наверное, что-нибудь из этой сферы.

– Из театральной, что ли?

Идея оказалась такой неожиданной – еще более неожиданной от того, что высказана была простым и естественным тоном, – что Маша не сумела сдержать изумления.

– Да. Мне нравится на сцене играть.

– А... – Маша не знала, что на это сказать, и спросила: – А какая у вас любимая роль?

Полная рыхлая женщина сорока девяти лет смотрела на нее ясным взглядом выпуклых глаз и улыбалась безмятежной улыбкой.

– Кот Базилио, – ответила она.

Следующие пятнадцать минут разговора подтвердили, что клиентка не обманывает – действительно собирается сменить работу.

– Наверное, надо в театры показываться, – с самым серьезным видом рассуждала она.

– В какие? – спросила Маша.

– Я хочу во МХАТ или в Малый. Или в Моссовета, может. Мне, знаете, всякие эти новомодные не нравятся.

Маша не представляла, как провести время, остающееся до конца консультации. Объяснить, что лучше поискать другой вариант для смены деятельности? Конечно, надо было бы сделать именно это, и она могла бы, наверное, объяснить как-нибудь осторожно... Но словно столбняк на нее напал. Не то что не находила нужных слов – нашлись бы. Но не могла заставить себя относиться всерьез к этой пустой самоуверенности, к торжествующему непониманию жизни, ее причин и следствий, самых простых ее связей. С чего начинать объяснения? Надо бы с того, что Земля круглая, – не факт, что клиентка это знает.

Маша представила, что подобное придется делать всю жизнь, и ее прошиб холодный пот.

«Я не хочу! – подумала она с ужасом. – Зачем мне это?!»

– Вам нехорошо? – сочувственно спросила женщина. – Жарко тут. Надо кондиционер повесить.

– Что?.. – вздрогнула Маша.

– Жаркое лето в этом году будет, – повторила Ленка Зуева. – Еще Нострадамус предсказал. Или Ванга.

– Ванга погоду не предсказывала.

– Откуда ты знаешь?

Оттуда, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Такое объяснение лучше всего подошло бы.

И чем Ленка так уж сильно отличается от той тетки, которая собиралась играть кота Базилио в Малом театре? Никакой разницы по сути. И в чем так уж сильно изменилась Маша жизнь от того, что она работает не в психологической

консультации, а в фирме по продаже травяных чаев? По сути ни в чем.

«Ну и зачем ты в голове это вертишь?» – сердито подумала она.

Думать о чем бы то ни было без смысла – этого Маша не понимала. А смысл размышлений в действиях, хоть в каких-нибудь, иначе и размышлять не стоит.

«Может, мне тоже в драмкружок пойти?» – подумала она.

Но дурацкая мысль не придала ей бодрости, как обычно это бывало.

Однако перспектива повышения зарплаты бодрила по-прежнему, и она сосредоточилась на том, что должно было к этому привести – на выдумывании какого-нибудь феерического проекта, которого до нее никто не выдумывал, да и она бы не стала, если бы не.

Глава 5

Нострадамус предсказал, или это вышло неожиданно, но лето сразу началось теплом настоящим – таким, которое не иссякает сутки напролет. Во всяком случае, в двенадцать ночи, когда еще сидели с девчонками на летней веранде кафе, Маше хватило вина и пледа, чтобы вообще не мерзнуть.

– Ты-то к холоду привыкла, – заметила Ника. И добавила: – Но и мне не зябко, удивительное дело.

С Никой и еще двумя девчонками с курса собирались встретиться неделю назад, но пришлось отложить из-за дурацкого расставания с Игорем и дурацкого переезда. Зато встретившись наконец, болтали часа три, хотя никаких особенных новостей ни у кого не было. Ника, правда, собиралась замуж, но рассказывать об этом не хотела, потому что боялась сглазить, но все-таки немножко рассказала, потому что как про такое не рассказать. Ирка перешла на новую работу, опять в эйч-ар, только теперь не в банке, а в холдинге – что-то связанное с металлом. Катя никуда не перешла, так что про работу не упоминала, зато на длинные майские выходные успела съездить в Турцию, там

можно было уже купаться и вообще было весело, потому что в отеле подобралась отличная компания.

Во всем этом не было ничего нового, ничего особенного и даже, может, ничего интересного, но под вино все казалось увлекательным, и разноцветные огоньки подмигивали, отражаясь в реке, и шум из парка Горького доносился веселый, и в Нескучном саду, где они сидели на веранде летнего кафе, было шумно и весело тоже.

И ужасный, конечно, контраст все это представляло с поселком Сокол. Маша даже пожалела, что сняла здесь мансарду. Днем казалось ничего, но теперь, вечером, окрестности производили угнетающее впечатление. Листва, трава, тусклые фонари, домишки маленькие и некоторые даже деревянные, улицы пустынные, а Поленова вообще на московскую не похожа, впрочем, и остальные не похожи тоже.

У Морозовой, кажется, были гости: когда Маша поворачивала за угол дома к своей лестнице, то через окно заметила накрытый в большой комнате стол. Шторы на первом этаже не были задернуты, и похоже было, что окно прорезано в шкатулке, внутри которой живут гномы. Маша лет до пяти верила, что гномы бывают. У них, конечно, они не живут, но это потому, что в Норильске холодно, а в других, теплых местах... Теплые места, куда в отпуск или насовсем уезжали счастливые люди, у которых были деньги, казались ей волшебными, и почему не жить там гномам и другим сказочным существам?

Мансарда венчала узкую пристройку, которая выходила в сад, и в нее не доносились звуки ни с улицы, ни из главной части дома. В нормальной многоэтажке Маша считала бы это достоинством, но жить в деревянном доме и в деревенской тишине – это все-таки чересчур.

Она разделась и встала под горячий душ. Неделя прошла, вечер пятницы прошел тоже, и неплохо в общем прошел. Теперь можно забраться в кровать и смотреть хоть до утра «Наследников» – какие же диалоги в этом сериале классные! – а завтра спать до обеда. Если бы ей десять лет назад сказали, что у нее все это будет – Москва, одиночество в чистой комнате и хорошее кино – она точно знала бы, что добилась больше чем много. И отсутствие при этом в ее жизни чего-то любовного не может считаться проблемой, да и...

Свет в ванной погас, и сразу перестал гудеть насос. Вода из душа еще лилась, но ясно было, что это ненадолго. Маша выключила воду и, завернувшись в полотенце, вышла в комнату. Здесь света не было тоже, только луна сияла в окне. Этого еще не хватало! А сериал как смотреть? Аккумулятора надолго не хватит. Вот черт!

Придется выяснять, что с электричеством. А хозяйка уже спит, может; поди пойми в темноте.

Маша подождала пять минут – вдруг свет включится сам? – но не включился, конечно, само собой ничего хорошего не происходит. Пришлось одеваться при луне и спускаться к Морозовой.

Стоило Маше открыть дверь, ведущую из мансарды внутрь дома, как сразу же выяснилось, что свет выключился только у нее, а внизу горит себе прекрасно – из-под двери большой комнаты виднелась тонкая золотая полоска. Еще одно подтверждение автономности ее жилья, но сейчас от этого не легче.

Она спустилась по лестнице и постучалась в гостиную. Голоса, доносившиеся из-за двери, умолкли, потом дверь открылась, и Морозова появилась на пороге.

– У меня свет выключился, – сообщила Маша и, спохватившись, добавила: – Здрасьте.

«Здрасьте» могло относиться и к Морозовой, и к неожиданному отключению электричества.

– А я тебе разве не показала, где щиток? – спросила Морозова. И тоже добавила: – Здрасьте.

Общий электрощиток оказался на первом этаже в пристройке, там же находился и обогревательный агрегат; заодно Морозова показала, как с ним обходиться.

– И часто свет выключается? – спросила Маша.

– Не часто, но бывает, – ответила Морозова. И добавила: – Ты совершенно зря меня боишься.

И скажи, что не колдунья. Ну что Маша такого делает, чтобы было заметно, что она боится? Голос не дрожит, руки-ноги тоже.

– А кто у вас в гостях? – спросила она.

Вопрос был не из вежливых и даже не из разумных. Что ей за дело до морозовских гостей? Только от растерянности можно такое спросить.

– Невестка. – Та не выказала ни малейшего удивления. – Пойдем, познакомлю.

Знакомство с невесткой тоже не являлось разумным поступком, но Маша зачем-то потащила в гостиную вслед за Морозовой. Прямо не по себе становилось от того, как на нее воздействовала эта женщина!

О знакомстве, правда, жалеть не пришлось – люди в музеи ходят такое посмотреть. Невестка оказалась до того красивая, что хоть солнечные очки надевай, чтобы не ослепнуть. Волосы серебряные, глаза бирюзовые, и ноги длиннее, чем вся Маша от макушки до пяток. Что она нездешняя, Маша поняла сразу. Как в Норильске без труда узнавались приезжие москвичи, так и в этой красавице узнавалась иностранка. Не по одежде и даже не по манере держаться, а по отсутствию задней мысли во взгляде. И даже то, что говорила она по-русски, не могло этого скрыть, тем более что в ее русском слышался легкий английский акцент, скорее в интонации, чем в произношении.

– Это Марина ширмы для твоей комнаты расписала, – сообщила Морозова.

– О, классные! – сказала Маша. И Морозову же спросила: – А на ширмах вы нарисованы, да?

Изображения на светлой березовой фанере напоминали лайф-фото: когда взгляд на них останавливается, то в первые секунды кажется, что они двигаются. И действительно похожи на портреты Морозовой, хотя невозможно с уверенностью сказать, что это вообще портреты.

– Вы узнали Веру? – Невестка Морозовой улыбнулась. В том, как она смотрела на Машу, чувствовалась непритворная приветливость. – Да, я написала мои догадки о ней. Я рада, что это узнается.

Звякнул айфон, лежащий рядом с ее тарелкой, она взглянула на экран и сказала:

- Такси уже возле дома. Спасибо, Вера, ужин был замечательный.

- На здоровье, - ответила Морозова.

Пока они разговаривали друг с другом, Маша оглядела стол. Обе тарелки были уже пусты, но в маленьких фарфоровых мисочках и блюдцах еще оставалась еда. Ее было не много, но она была разноцветная, поэтому стол, покрытый кремовой скатертью и уставленный такой едой, выглядел как расписные ширмы в мансарде: ярко, необычно и сразу понятно, что талантливо.

- Я Марину провожу. - Морозова обернулась к Маше. - А ты пока возьми в буфете чистую тарелку и начинай есть.

Я не голодная, - вот что надо было ответить. Или: с какой стати мне ночью есть?

Но ничего этого она не ответила, а поплелась к буфету за тарелкой. И бокал заодно прихватила: вино на столе есть, выпить точно следует, иначе не хватит храбрости для общения с колдуньей. И поскорее надо выпить, пока Морозова не вернулась. Чтобы храбрости загодя набраться.

Пожалуй, Маше это удалось. Во всяком случае, Морозову она встретила бесцеремонным вопросом:

- Это ваша родственница?

Вопрос относился к портрету, висящему в простенке между книжными полками. Он точно был написан не Мариной: ничего странного в нем не было. Такой мог бы и Серов написать или Рокотов какой-нибудь. Женщина со старомодной прической - обернутой вокруг головы светлой косой - очень похожа была на Морозову; то же выражение лица. Маша не понимала, как это выражение назвать, но лишь только Морозова появилась на пороге комнаты, это стало ей понятно. Видно было, что женщина на портрете, как и Морозова, очень чувствует свое достоинство, и это не то же самое, что самоуверенность, потому что для самоуверенности никаких причин не надо, а чувствовать свое достоинство можно, только если оно у тебя в самом деле есть.

- Да, бабушка моя, - ответила Морозова. - А разве похожа?

- Прическа не похожа, - сказала Маша.

Морозова засмеялась. У нее прическа была самая простая: прямые русые волосы до плеч. Крашенные, конечно, седина-то точно должна быть в ее возрасте. Старухой она не выглядела, но, на Машин взгляд, ей было не меньше шестидесяти.

- Это ее дом, - сказала Морозова. - Бабушки Ольги Алексеевны.

- Ого! - удивилась Маша. - Так ему сто лет, что ли?

- Девяносто.

- Много...

Это в самом деле было много. То есть для Москвы много - для Лондона-то ничего особенного. Лондон произвел на Машу такое сшибающее впечатление, что она теперь все измеряла в процентах от него. На сколько тянет Москва в целом, пока не поняла, но каждое отдельное ее проявление оценивала не выше, чем на сорок процентов от такого же лондонского.

- Ну, - сказала Морозова, садясь за стол, - так почему же ты меня боишься?

Пока она наливала себе вино, Маша разглядывала кольцо, которое заметила еще когда Морозова показывала ей электрощиток. Кольцо было огромное, на целую фалангу. В тонком светлом ободке - из платины, наверное - переливался туманный овальный камень чистого и странного травяного цвета. Кольцо, как и сама Морозова, привлекало к себе повышенное внимание, а здесь, в тихой ночной комнате, и вовсе говорило: смотри на меня! Это вызывающее требование Маше понравилось.

- Потому что вы похожи на колдунью, - ответила она.

Морозова ничуть не удивилась ее словам. Вместо того чтобы на них отреагировать, она спросила:

– Давно ты в Москве? – И добавила, кивнув на Машину тарелку: – Пора тебе уже уметь есть во время разговора.

– Восемь лет.

Есть во время разговора Маша, конечно, умела. Тем более что еда оказалась не только красивая, но и вкусная, особенно у пирога с персиками вкус был такой, будто его заказали в дорогом ресторане.

– А где училась? – спросила Морозова.

– На психфаке в вышке.

– В вышке есть психфак? Не знала.

– Психфаки везде есть.

Маша думала, что Морозова спросит, почему везде есть психфаки, но то ли ее это не интересовало, то ли она и сама понимала, что на эту специальность легко заманить людей, которые не знают, чем заняться.

– Откуда ты приехала? – спросила она.

– Из Норильска.

– И родилась там?

– Ну а где же? – хмыкнула Маша. – Как будто кто-нибудь рождается в Москве, а потом в Норильск переезжает.

– Бывало, что и переезжали, ничего странного. А вот что ты в Москве одна живешь, это странно.

– Была б я такая голливудская красавица, как ваша невестка, – фыркнула Маша, – было бы странно. А так – нет.

Со стороны, наверное, могло показаться, что они с Морозовой ссорятся. Но Маша не чувствовала вызова ни в одном ее вопросе, а чувствовала только ее прямодушие.

- Что ж, прямодушным Бог дарует благо, - окидывая ее оценивающим взглядом, сказала Морозова.

Тут уж не рассмеяться было невозможно - Маша и рассмеялась. И пробормотала сквозь смех:

- Не обижайтесь...

- На обиженных воду возят.

- Вам шпионкой можно работать, - отсмеявшись, объяснила Маша. - Как только у меня в голове слова появляются, вы их сразу улавливаете.

- Богатый у тебя словарный запас, - усмехнулась Морозова. - Кто твои родители?

- Никто, - пожала плечами Маша. - В смысле, мама в бухгалтерии на комбинате работает. А папа спился. Он был, типа, поэт.

- Возможно, богатый словарный запас был у него.

Маша помнила папу смутно, и в то время, которое она помнила, словарный запас у него был как раз небогатый - бормотал что-то спьяну, вот и все. Но его стихи, сложенные в папку - десяток листков, не больше, - привлекали ее, хоть и были непонятны. Мама говорила, что у отца не хватило сил прожить по-человечески, но Маша не считала сильно уж человеческой однообразную бесцветную жизнь, на которую только и хватало сил у мамы, а потому не доверяла этой ее оценке. Да и другим ее жизненным оценкам не доверяла - они были приложимы только к тому, что понятно само собой, а для всего неясного, мерцающего, манящего, из чего состоит жизнь, оценок у мамы не было.

- Красавицей ты, может, и не являешься, - вернулась к предыдущим своим рассуждениям Морозова, - но внешность у тебя выразительная. Мужчины это ценят.

- Почему? – удивилась Маша.

Ничего выразительного она в своей внешности не находила, но интересно ей было не про внешность как таковую, а про то, что ценят мужчины. Кое-какие представления у нее об этом были, но неплохо было бы узнать и мнение Морозовой.

- Потому что не так уж много людей, на которых имеет смысл остановиться взгляду, – ответила Морозова.

- Не знаю, – вздохнула Маша. – Я в вашу мансарду вообще-то переехала, потому что с одним таким рассталась... Который взгляд на мне остановил. Но никакой ценности я для него не представляла, оказывается.

- Это он тебе сказал?

- Он сказал, что жить со мной легко, но...

Маша хотела уже передать слова Игоря о том, что она не способна на человеческую заботу, и даже спросить, как Морозова думает, почему он так решил...

И вдруг это стало ей понятно без объяснений.

- Но – что? – спросила Морозова.

Маша молчала.

История, с которой была связана неожиданная догадка, всплыла у нее в памяти с отчетливостью компьютерной графики на экране.

Осенью она сделала прививку от гриппа, а Игорь сказал, что это бессмысленно, потому что прививка делается от вируса прошлогодней модификации и от нового не поможет. В декабре Маша вирус подхватила. Неизвестно, какой он был модификации, но проболела она всего два дня – валялась с температурой, раз в час выходила в кухню за горячим чаем, а в остальное время лежала, отвернувшись к стенке, и хотела только одного: чтобы ее не трогали. Игорь, к

счастью, был в командировке, так что трогать ее было и некому. Лекарства помогли как мертвому припарка, но на третий день болезнь прошла, как и не было ее; все-таки прививка оказалась не совсем бесполезной, наверное. Когда через неделю Игорь заболел тоже, Маша ему, конечно, сочувствовала, но что она могла сделать? Только не дергать его и не трогать. Выздоровел он не через два дня, а через пять, подтвердив таким образом, что ее прививка точно имела смысл. Когда Маша поделилась с ним этим соображением, он не возразил и не согласился, а сказал:

- Ты настолько не способна на эмпатию, что это даже любопытно.

Что такое эмпатия она, конечно, знала, но смысла его слов не поняла. Тогда не поняла... А сейчас глаза Морозовой высветили смысл, хотя какая связь между теми словами и этими глазами, объяснить было невозможно.

- Он прав, - проговорила Маша. - Я думала, что мне хорошо, то и ему. А это же совсем не так. Я же это все четыре года изучала... А без толку. - Тут она спохватилась, что никому не интересны ее бессвязные, непонятно к чему относящиеся объяснения, и сказала: - У вас кольцо красивое. Необычное.

- Коктейльное, - не удивившись резкой перемене темы, ответила Морозова.

- Почему? - не поняла Маша.

Ей казалось, такое название подошло бы к кольцу с несколькими разноцветными камнями, а не к этому, в котором камень один и завораживающе чистого цвета.

- Потом расскажу. - Морозова произнесла это так, будто само собой разумелось, что это их с Машей не последний разговор, и добавила: - Не переживай. Научишься еще отношениям.

- Почему вы так думаете? - вздохнула Маша.

Она так думать не видела никаких причин. Жизнь представлялась ей дремучим лесом, и фонаря, чтобы этот лес освещать, у нее не было.

– Жизненный опыт мне подсказывает, что ты научишься, – ответила Морозова. И, поднявшись из-за стола, сказала: – Спать пора. У меня завтра ранний урок.

Маша хотела спросить, какой урок, но решила, что бесцеремонных вопросов о том, что ее не касается, и так задала уже достаточно.

– Спокойной ночи, – сказала она.

Выходя из комнаты, Маша оглянулась. Морозова стояла так, что портрет ее бабушки был прямо у нее за спиной, и от этого казалось, то необычное, странное, убедительное, что было в них обоих, приобретает двойную силу.

Глава 6

С девочкой оказалось так легко, что Вера и вздохнула с облегчением. Она не была уверена, надо ли сдавать мансарду, и не знала, как объяснить это Кириллу, когда Марина расскажет ему о такой существенной перемене – чужом человеке в доме. Если бы Вера сказала, что ей просто нужны деньги, пришлось бы выслушать все, что сын думает о ее потребностях и его доходах, а объяснять появление квартирантки своей опаской перед одиночеством... Во-первых, она не уверена, что это именно опаска, а во-вторых, даже если и так, говорить об этом непорядочно по отношению к нему. Теперь же можно будет сказать, что просто выручила девочку, которая оказалась одна за тридевять земель от дома. Даже если такое объяснение не вызывает доверия, возражать против него трудно.

А впрочем, что за мысли? Никому она не обязана объяснять свои поступки, и сыну тоже. Сдала девочке квартиру, и ладно.

Вера вспомнила, как девочка расстроилась, вдруг осознав, что не разбирается в людях – из-за размолвки с любимым, как можно было понять. Никакого значения это воспоминание не имело, но заставило ее улыбнуться. Девочка вообще смешная – нос в веснушках, волосы как бронзовые пружинки, – но это ее плюс, а не минус. Она этого еще не осознает, но со временем осознает. Не жизнь у нее, а сплошное будущее. Где она работает, кстати? Забыла спросить. Ну, где после психфака работают – в каком-нибудь банке, в отделе кадров. Сейчас как-то

иначе называется, но суть та же. А психолог из нее должен был выйти неплохой: она вызывает безотчетное доверие, это не так уж часто встречается, и притвориться невозможно, интерес к собеседнику светится в глазах, это тоже не имитируешь...

Обо всем этом Вера думала рассеянно, машинально – так же, как убирала со стола. На скатерти остались крошки от персиковой кростаты, она вышла на улицу, чтобы их стряхнуть. Грозовое электричество пронизывало воздух, деревья шумно вдыхали его. Вера вспомнила, как девочка сказала, что она похожа на колдунью, и ей снова стало смешно. Никакого колдовства – о приближающейся грозе известно ей потому, что за шестьдесят семь лет ее жизни это повторялось сотни раз и она просто знает, какой воздух бывает в соколянских садах перед грозой и как шумят в предчувствии деревья. Что ж, в старости, может, и есть что-то такое, что юность принимает за колдовство. А может, чрезмерное знание жизни, ее причин и следствий, в самом деле колдовство и есть.

Вернувшись в дом, Вера выключила свет и постель расстилала уже в темноте. Странная метаморфоза произошла с ее зрением: в темноте стало не труднее ориентироваться, чем при свете. Тоже часть старости? Какая ерунда, не стоит метафоры – просто она знает свой дом так, что темнота не мешает ее передвижениям по нему. На фортепиано может же в темноте играть, и это тоже не дело зрения.

С этой не имеющей существенного смысла догадкой – из таких пресловутая старость в основном и состоит – Вера легла в кровать. Она не хотела вызывать в своей памяти время, когда каждая догадка была драгоценна, потому что ею двигалась жизнь, но воспоминания о том времени соединялись помимо ее воли, как звуки соединяются в мелодию, и она не видела причин этому мешать, потому что мелодия отвечала сердцу.

– Вера амбициозна, упряма, и это неплохо, – сказала бабушка Оля.

– Если объем ее упрямства соответствует объему таланта, – сказала мама.

– Этого все равно никто наверняка не скажет. Остается принять ее характер как положительную данность.

Они сидели на веранде, а Вера занималась в своей комнате и в паузах между сонатой Бетховена и этюдом Листа слышала сквозь приоткрытое окно обрывки их разговора.

Она сердилась на маму за то, что та была против ее поступления в консерваторию. Наверное, думала, что достаточно Мерзляковского училища, которое она сейчас заканчивает. Это мнение было для Веры оскорбительно. Что значит достаточно? Для чего достаточно? Кто вообще дал маме право считать, что быть учительницей в музыкальной школе – это все, к чему должна свестись Верина жизнь? На бабушку она обижалась меньше: после того как выяснилось, что врачом Вера быть не хочет, против частностей ее музыкального образования та уже не возражала.

А в целом все это обидно. И несправедливо. И... Другие родители мечтают, чтобы их дети стали знаменитыми, а ей никакой поддержки!

Вера проиграла Листа на два раза больше, чем намеревалась, и закрыла наконец пианино. Все-таки она устала, и сильно – так, что блестящие мушки закружились перед глазами. От того, что доведет себя до обмороков, экзамены не сдадутся успешнее.

Когда она открыла дверь в большую комнату, мама и бабушка уже перешли туда с веранды. При виде Веры они замолчали, как с недавних пор замолкали сразу, чуть только она входила. Это было неприятно, а отчасти и странно. Ну пусть им не нравится, что она поступает в консерваторию и, быть может, провалится, но разве это повод вести себя так, будто она делает что-то, о чем и говорить нельзя в ее присутствии?

Она прошла через всю комнату – гостиная была в доме проходной – и открыла дверь в прихожую.

– Куда ты? – спросила мама. – Скоро будем ужинать.

По дому разносился пряный запах – наверное, курица с травами томилась в духовке. Бабушка знала много старых рецептов, жесткая магазинная курица у нее всегда получалась мягкой и какого-то необычного, тонкого вкуса, Вера больше нигде такой курицы не ела.

Есть хотелось, но ожидать ужина, перебрасываясь с мамой и бабушкой ничего не значащими фразами, от обиды не хотелось совсем.

- Прогуляюсь, - сказала она.

Придет ли к ужину, не сказала. Может, и не придет. И пусть они сколько угодно ее обсуждают, очень нужно слушать!

Она вышла на улицу и направилась к метро. В поселке хорошо гулять, но только компанией - сидеть в беседке на Звездочке и петь под гитару. Или целоваться вечером в той же беседке. Целоваться Вере было не с кем, то есть нашлись бы желающие, да она не хотела. И нужен ей был сейчас весь город, а не маленькая его часть, тем более та, которую знаешь как себя и от которой поэтому не ожидаешь ничего нового и внезапного.

Она доехала до Пушкинской площади и пошла вниз по Страстному бульвару. Цель для прогулки все-таки придумала: неделю назад брала у Ирки Набиевой почитать Стругацких, «Понедельник начинается в субботу», и пора книгу вернуть.

Ирка жила на Трубной площади. В те времена, когда дом назывался доходным, эта квартира была чердаком, но во времена более поздние показалось расточительным отвести такие просторы под голубиные свадьбы, и чердак переделали в коммуналку. Набиевы занимали в ней две комнаты.

Ирка, открывшая входную дверь на три звонка, была слегка пьяна и заметно взволнованна, агатовые ее глаза блестели. Из глубины коридора - комнаты Набиевых были самые дальние - доносилась музыка.

- Родители уехали дачу убирать. - На вынутую Верой из сумки книгу Ирка даже не глянула, хотя сама торопила вернуть, потому что на Стругацких была очередь. - Будут только завтра, заходи, у меня народ.

Иркины родители были художники, на службу им ходить не требовалось, поэтому они ездили на дачу в Мамонтовку часто, а на лето и вовсе туда переселялись, так что компании у Ирки собирались постоянно и ничего особенного в этом не было. Но музыка привлекла Верино внимание: даже издали, сквозь двери комнаты, в ней слышна была беспечность и свобода.

Вера могла поклясться, что никогда прежде этой музыки не слышала.

– Один чувак из Чехословакии пластинки привез, – угадав ее интерес, сообщила Ирка. – Джаз, рок-н-ролл и вообще. Мы танцуем!

Вера вдруг поняла, что не танцевала уже целую вечность. То есть целый месяц, наверное. Подготовка к экзаменам обволокла ее, будто кокон, она сама уже вытягивала из себя волнение и на себя же свое волнение наматывала, увеличивая кокон, как гусеница шелкопряда. Ей захотелось стряхнуть эти путы.

Одна комната у Набиевых была обыкновенная, зато вторая – такой не было ни у кого. В Питере такие еще попадались, причудливые, странной формы, многоугольные, а в Москве Вера ничего подобного не видела. Но главное, эта вторая комната была очень большая.

Вдоль стен на мольбертах стояли картины, накрытые мешковиной, свет падал сквозь слуховые чердачные окошки, пахло портвейном и красками, музыка заполняла все пространство, и все танцевали, никто ни с кем, а все вместе. С появлением Веры танец не прекратился, наоборот, она сама присоединилась к нему. Жаль, что пришла в чем за пианино сидела – в льняном сарафане, подкрашенном травяной краской. Уже выходя из дому, надела бабушкины бусы из зеленоватого горного хрусталя, они лежали на плоской тарелке в прихожей. Совсем такой наряд не подходит для рок-н-ролла, слишком простой, и никакой индивидуальности...

Но через пять минут Вера забыла о такой ерунде, как сарафан, – музыка уже заполняла ее, звенела во всем теле, даже в кончиках пальцев, и все тело двигалось стремительно, изгибчиво, свободно.

– Это Элвис поет! – крикнула Ирка, когда они на минуту оказались рядом. – Кайф, правда? К Вику двоюродный брат из Чехословакии приехал, он пластинки и привез. А ему еще один чувак привез, вообще из Швеции, представляешь?

Швецию Вера не представляла, но какая разница? Для танца это не важно. Музыка была новая, а танец тот самый, который Вере очень нравился – не танец, а свободная пантомима. Можно изображать кошку, обезьяну или мышь, а однажды – не у Ирки, в другой компании – Вера видела, как высокая, узкая, прямая как столб девушка танцевала маяк. Это она потом объяснила, что маяк,

так-то и не догадаться бы. А музыка подходила и для маяка, и для обезьяны одинаково.

У Набиевых собирались самые разные люди, часто кто-нибудь, придя к Иркиным родителям и не застав их дома, присоединялся к ее компании, и разговоры здесь поэтому бывали тоже самые разные и часто очень интересные. Но сегодня никому не хотелось серьезных разговоров. Натанцевавшись, пили «Киндзмараули» – портвейна уже не осталось, – говорили кто о чем и кто с кем, едва различая лица в сплошном сигаретном дыму.

Во время этого беспорядочного общего разговора Вера почувствовала наконец усталость, и даже не столько почувствовала, сколько вспомнила, что блестящие мушки кружились у нее перед глазами, когда она выходила из дому. Мушек теперь не было, танец их разогнал, но заодно он разогнал и обиду, и сразу вспомнилось, что мама с бабушкой не ужинают, а ждут ее, и стало стыдно за сосредоточенность на себе, которая простительна для подростка, но не для взрослого человека.

Придя, она ни с кем отдельно не здоровалась, и те пять или шесть человек, которые поочередно приходили после нее, не здоровались тоже; так здесь было принято, у Набиевых был открытый дом. Прощаться Вера тоже не стала, тем более что это ведь ей досталось только «Киндзмараули» немножко, а портвейном все очень даже напились, и никто не заметит, что она направилась к выходу.

У двери Вера вытащила свою холщовую сумку из груды других и тут только сообразила, что Стругацких так и не вернула. Она поискала Ирку взглядом – та сидела на сложенных у стены досках и целовалась с парнем, про которого сказала, что это Вик, который привез пластинки. Или он только принес, а привез кто-то другой? Ну, не важно. Вера поставила книгу на мольберт, прислонив ее к картине, прикрыла мешковиной, чтобы кто-нибудь между делом не утащил, и вышла из комнаты.

– И ходят, и ходят... – прошипела соседка, с которой она разминулась в коридоре. – Устроили притон, развратничают, вот в милицию сообщу!

Соседку, живописную, как брокенская ведьма, можно было понять. Неизвестно, как Вера отнеслась бы к гостям, которые каждый вечер пьют, поют и танцуют за

стеной так, что куда Брокену.

Как открывается замок на входной двери, Вера знала, но его, как назло, заело, и пока она крутила его и вертела, соседка прожигала ей взглядом спину, а потом и вовсе положила руку на плечо. Что ж, пусть сама откроет. Вера обернулась.

И увидела не брокенскую ведьму, а парня невероятного роста. Ну не то чтобы невероятного, но очень высокого. Он мелькал и в комнате, но там никого было не разглядеть в танцевальном запале и в дыму. Теперь же, хотя коридор был освещен лишь тусклой лампочкой, Вера увидела его очень ясно. И этот вид поразил ее.

Ей показалось, что она не на человека смотрит, а на экран в кинотеатре. Отчего возникло это впечатление, она не поняла, а вернее, не пыталась понять – оно было такой же данностью, как Париж с птичьего полета на стене в ее комнате. Художник подарил этот рисунок бабушке Оле после того как та спасла ему жизнь, и всю Верину жизнь с него начиналось каждое ее утро. Радостное оно или сердитое, солнечное или пасмурное, это не имело значения, рисунок был данностью Веринной жизни в любом ее состоянии.

И точно такой же данностью показалось вдруг лицо человека, стоящего перед ней в полумраке коммунального коридора. Этого не могло быть, но это было именно так. Черты его лица были правильны, гармоничны, и еще они были так иноземны, как будто он прилетел с Марса.

Неизвестно, сколько Вера стояла бы с глупейшим видом, не произнося ни слова, но ее визави, тоже молча, протянул ей что-то блестящее. Блеск и заставил ее очнуться. Она опустила взгляд и увидела, что он держит в руке закладку; наверное, она выпала из книги Стругацких. Закладка представляла собой гибкую зеркальную ленту с круглыми дырочками. В поселке работала зеркальная фабрика, она выпускала не только зеркала, но и блески для театральных костюмов, их выбивали из гибких блестящих лент, и все соколянские дети лазали за отходами производства за фабричный забор. Вера, правда, не лазала, но откуда-то эти зеркальные закладки с дырочками были и у нее. Еще в детстве на что-нибудь выменяла, наверное.

– Спасибо, – сказала она.

Тот улыбнулся и кивнул, но по-прежнему не произнес ни слова, будто немой.

– Это закладка, – зачем-то объяснила Вера.

Он улыбнулся снова, развел руками и наконец что-то произнес, но вот именно что-то – на непонятном языке. Это вывело Веру из оцепенения, так как включило ее разум. Значит, иноземность ей не померещилась, он в самом деле иностранец.

– Вы здесь в гостях? – спросила она.

Или, может быть, не «вы», а «ты» сказала, по-английски ведь все равно. Она рассудила, что иностранец неизвестного происхождения поймет английский скорее, чем французский, который Вера знала тоже.

Иностранец обрадовался так, словно был эскимосом и обнаружил в Москве человека, знающего его родной язык.

– Да! – радостно подтвердил он. – Вы тоже пришли в гости, не так ли?

И тоже назвал ее на «ты», быть может. Он ведь если и старше, то года на два, наверное. Просто очень высокий и... да, необыкновенно красивый. Такой красоты Вера никогда не видела.

– Я зашла вернуть книгу, – ответила она. – И осталась потанцевать.

– А я пришел с другом. Мое имя Свен.

– Я Вера.

– И я тоже хотел уйти, но не знал, как лучше это сделать. Можно мне пойти с тобой, Вера?

– Да, – сказала она.

Глава 7

Замок благополучно открылся, они вышли на лестницу. Лифт не вызвался – наверное, кто-нибудь оставил открытой металлическую дверь лифтовой шахты на одном из этажей, – и вниз пошли пешком.

С каждым этажом Вера все лучше понимала, что говорит Свен, это происходило как-то само собой. Английский она знала неплохо, а Свен говорил не быстро.

Оказалось, он действительно привез рок-н-рольные пластинки из Швеции в Чехословакию. Вера поняла даже его объяснение, как это получилось: Свен учился на кинорежиссера и что-то снимал в Праге, это было что-то вроде практики. А из Праги он приехал в Москву, потому что здесь будут показывать шведские фильмы. О ретроспективе шведского кино в «Иллюзионе» Вера слышала, да и кто же не слышал, вся Москва об этом говорила. Кинотеатр «Иллюзион» отрылся два года назад, там всегда показывали что-нибудь хорошее, но попасть туда было невозможно, тем более на шведское кино, тем более на Бергмана, о котором было известно, что он такой же великий режиссер, как Феллини, но фильмы его в СССР не показывают, потому что они слишком свободные.

– Мы могли бы пойти вместе на «Земляничную поляну», – пока Вера подбирала слова, чтобы все это рассказать, предложил Свен. – У меня есть пропуск на двоих. Если ты захочешь пойти со мной.

Это он сказал на втором этаже, и Вера так растерялась, что ответила только когда уже вышли на улицу. Захочет ли!..

– На Бергмана каждый хочет пойти, – сказала она.

«Тем более с тобой», – этого не сказала, конечно.

– Отлично! – Свен обрадовался так, будто это она предложила ему такой невероятный подарок. – Это будет завтра. А что ты делаешь сегодня? Сейчас?

– Иду домой ужинать.

Вера ответила прежде чем сообразила, что надо было, конечно, сказать, что никаких планов на вечер у нее нет.

Ей показалось, Свен расстроился, услышав такой ответ. Лицо у него было не из тех, про которые говорят, что по ним можно читать, как по открытой книге, но что он расстроился, Вера почему-то поняла.

– Мы можем пойти вместе, – сказала она. – Мама и бабушка тоже будут тебе рады.

Может, не следовало говорить «тоже», чтобы он не завоображал, будто она будет вне себя от счастья, если он пойдет к ней в гости... Но опасение это, мелькнув, показалось Вере таким глупым, что она даже удивилась: неужели раньше могла обращать внимание на такую ерунду? А ведь обращала.

– Спасибо, – ответил Свен. – Я с удовольствием пойду в гости в твою семью. Но я хотел бы что-то купить. Вино, цветы.

Вера хотела уверить его, что ничего не нужно, но подумала, что неприлично указывать, и сказала:

– Мы сейчас на улицу Горького выйдем и там купим.

Она наконец поняла, отчего взгляд Свена кажется ей таким серьезным – из-за притененности его глаз.

Пошли вверх по бульварам.

– Ты первый раз в Москве? – спросила Вера.

– Да.

– Тебе нравится?

– Своеобразный город. Я таких не видел. Есть много широких улиц, как в любом мегаполисе. И есть красивые старинные дома. Но есть и какое-то внутреннее уныние.

Такое мнение показалось Вере странным. Обычно про Москву приезжие как раз говорили, что она слишком шумная, что все в ней на бегу, все куда-то спешат и прочее подобное. Хотя он-то приезжий из совсем других мест... Его слова охладили ее.

– Но я могу ошибаться, – искоса взглянув на нее, сказал Свен. – Я здесь всего второй день. Это только первое мое впечатление.

Вера украдкой огляделась, пытаясь увидеть все его глазами – Петровский бульвар, круто поднимающийся вверх к Пушкинской площади, и сбегаящий вниз, оставшийся за спиной Рождественский, и колокольня монастыря, и старинные, пастельных тонов дома по обеим сторонам бульваров... Есть ли в этом уныние? Она не понимала. Все это единственная данность ее жизни, ей не с чем сравнивать, вот что она вдруг поняла.

– Я тебя обидел? – спросил Свен.

– Совсем нет. – Вера улыбнулась. Серьезность его взгляда притягивала и волновала. – Мне интересно, что ты скажешь о том месте, где живу я. Оно слишком тихое для Москвы. И еще более унылым тебе покажется, может быть.

Но Сокол не показался Свену унылым.

– Вот здесь совсем другое! – сказал он, когда, выйдя из троллейбуса, свернули с Ленинградского проспекта и оказались в поселке. – Это сделано концептуально, я прав?

Конечно, он был прав. Пока шли до улицы Поленова, Вера рассказывала, что это был первый советский кооперативный поселок, построенный сорок лет назад, и что это была тогда модная мировая концепция, города-сады вокруг мегаполисов, но в Москве их Сокол оказался не только первым таким, но и последним. И про «лестницу Микеланджело» рассказала – про эффект, природа которого была ей не очень-то понятна, но очевидна: совсем короткая улица казалась очень длинной оттого, что сужалась и как стрела входила в зеленый сад. Она не только рассказала, но и показала это, когда до сада дошли. И что улицы в Соколе специально сделаны ломаными, чтобы выглядели подлиннее, и их улица Поленова тоже надламывается на главной площади, а потому вообще

кажется бесконечной, – про это она рассказала тоже.

– Я понятно говорю? – спохватилась Вера.

Она так увлеклась рассказом, что перестала следить не только за произношением, но и за грамматикой. Когда покупали вино и торт «Ленинградский» в Елисейском гастрономе, а потом ехали в троллейбусе, она не чувствовала себя свободно, потому что, услышав иностранную речь, все устремляли взгляды на нее и Свена. Да если бы он и молчал, все равно привлекал бы общее внимание своей очевидной необычностью. А здесь, в тишине Сокола, можно говорить, ни на кого не оглядываясь. Да и нет никого на пустынных вечерних улицах.

– Ты говоришь очень понятно, – ответил Свен. – И очень хорошо знаешь это место. Я сказал бы, не только знаешь, но понимаешь и любишь.

– Да, – улыбнулась Вера. – Конечно, люблю. Наш Сокол... Он как будто и не Москва, но все равно Москва, и, может быть, даже больше, чем вся Москва. – Она едва сложила эту запутанную фразу, но Свен, кажется, понял. – А вот этот дом, видишь, довольно громоздкий, но стоит под углом к улице и как будто вращается. И деревья! – Она подняла руку, указывая вверх, и, словно подчиняясь взмаху ее руки, все деревья зашелестели. – Их тоже сорок лет назад посадили. Когда решали, какие сажать, то хотели, чтобы листья под ветром разными сторонами поворачивались и от этого цвет улицы менялся. На Шишкина ясени, у нас здесь липы и клены альба, а на Брюллова сахарные клены.

Она не знала, как по-английски называются сахарные клены, и просто образовала их название от слова «сахар».

– У них сладкий сок? – спросил Свен.

– А разве у кленов есть сок? – удивилась Вера.

– Конечно. Из него делают кленовый сироп. В Канаде и в США.

– А ты пробовал? – с интересом спросила она.

- Да. Мой дядя в Вермонте, я жил однажды целый год у него.

- Почему ты жил у дяди? - не поняла она.

- Просто чтобы посмотреть мир. Мне было двенадцать лет, а я всегда был любопытный. Но когда приезжаешь куда-нибудь ненадолго, то понимаешь жизнь слишком поверхностно. Надо иначе.

- Мы пришли, - сказала Вера. - Вот наш дом.

- Здесь живет только твоя семья? - разглядывая узкий фасад и острую крышу, удивленно спросил Свен. - Я думал, в Советском Союзе так не бывает.

- Вообще-то не бывает, - подтвердила Вера. - Но у нас на Соколе бывает. Этот дом построила моя бабушка со своим первым мужем. Сорок лет назад.

- Ты поэтому так много знаешь про это место? - догадался Свен.

- Да, - улыбнулась Вера. - Бабушка дружила со всеми архитекторами, которые строили Сокол. И даже что-то им советовала. Хотя она не архитектор, а врач. Перед войной почти во все эти дома кого-нибудь... - Она запнулась, не зная, как будет по-английски «подселили», потом сказала: - Многие дома стали коммунальными. Как квартира, где мы сегодня танцевали. Но бабушке удалось этого избежать. Она была очень хорошим хирургом. Оперировала людей, которые могли ей помочь и помогли.

Вера открыла калитку.

- На каком языке мне разговаривать с твоими родственниками? - спросил Свен, когда шли по травянистой тропинке к дому.

- А на каком ты можешь? - засмеялась она.

- Я могу на пяти языках. Но на русском, к сожалению, нет. Мне легко даются языки, и если бы я знал, что поеду в Москву, то попробовал бы изучить русский, хотя бы немного. Но эта поездка получилась неожиданно.

– Бабушка свободно говорит по-английски, – успокоила его Вера. – Это она меня научила, еще когда я маленькая была.

– А твоя мама? Ее твоя бабушка научила тоже?

– Ее – нет. Когда мама была маленькая, шла война, и бабушка была на фронте. Ей было некогда.

Глава 8

Уходя три часа назад, Вера не заперла дверь. Теперь она открыла ее, просто потянув за ручку, и они со Свеном вошли тихо. Но мама, конечно, услышала.

– Вера, ну что это такое? – сказала она, выходя в прихожую из кухни. – Мы ждем, ждем. Курица уже не растомилась, а растворилась, по-моему.

– Добрый вечер, – сказал Свен.

И протянул маме пионы, купленные у старушки на троллейбусной остановке.

– Ма, это Свен, он из Швеции, – сказала Вера. – То есть он вообще из Швеции, а сейчас из Чехословакии приехал.

Мама взяла цветы, но побледнела так, словно их вручил ей призрак. Живой человек не мог бы вызвать в ее глазах выражение такого ужаса. Она переводила взгляд с Веры на Свена, не произнося при этом ни слова.

– Мы голодные, – сказала Вера.

Она надеялась, что это сообщение выведет маму из непонятного оцепенения; так и вышло. Мама встрепенулась и поспешно проговорила:

– Да-да, проходите, пожалуйста! Здравствуйте, Свен.

Взгляд от него она, здороваясь, почему-то отводила.

Вера взяла у Свена торт, поставила на тумбочку в прихожей и открыла дверь в гостиную.

Ели всегда здесь из-за тесноты кухни, а главным образом из-за того, что бабушка считала это правильным. Она читала, сидя в кресле у открытой на веранду двери, а когда Вера и Свен вошли, положила книгу на маленький ореховый столик у себя под локтем и встала, обернувшись к ним.

– Бабушка, это Свен, – сказала Вера. – А это моя бабушка Оля... Ольга Алексеевна...

От растерянности, вызванной маминой реакцией на Свена, она произнесла все по-английски, как будто по-русски бабушка не поняла бы.

Та, впрочем, не удивилась. Не то что не выказала удивления, а вот именно не удивилась – не смогла бы она так искусно удивление скрыть, если бы оно у нее возникло. Или это Вера не смогла бы?..

– Добрый вечер, – глядя на Свена с доброжелательным интересом, сказала бабушка. – Рада знакомству. И ужин давно готов. Прошу к столу.

Эти слова, по смыслу церемонные, были произнесены с абсолютной непринужденностью, тоже не наигранной. И Вера тут же устыдилась того, что вообще могла предполагать в бабушке наигранность.

– Спасибо, – сказал Свен. – Мне приятно быть у вас в гостях. – Он поставил бутылку на ореховый столик рядом с книгой. – Надеюсь, вино окажется неплохим.

Его слова тоже были церемонного разряда – Вера представить не могла, чтобы что-нибудь подобное сказал, придя в гости, любой из ее друзей, – но в том, как он их произнес, была та же непринужденность, что и у бабушки. Это было так странно!.. Как будто их не разделяла пропасть. И даже не одна пропасть, границы, а две, еще и возраста.

Хотя чему она удивляется? Ведь и сама с первой же минуты почувствовала себя со Свеном так, будто они выросли на одной улице. Как такое может быть? А оказалось, что может.

Запеченная курица, конечно, не являлась ежедневным блюдом – удивительно, что ее приготовили именно сегодня. Мама подала курицу на глиняном расписном туркменском блюде, это выглядело празднично и тоже пришлось к появлению гостя очень кстати. Все остальное было самое обыкновенное: салат из зеленого лука с редиской и сметаной, ситный хлеб. Пионы – Вера поставила их на стол в китайской вазе – тоже не были чем-то из ряда вон. Разве что вино – Свен купил в Елисейском массандровский мускат – определенно свидетельствовало о неординарности сегодняшнего ужина.

Выпили за знакомство, и бабушка спросила:

– Ты приехал в командировку?

И тоже – так спросила, будто вся его жизнь прошла у нее на глазах и только вот это последнее обстоятельство было ей неизвестно.

– И да, и нет, – ответил Свен. – Из Стокгольма я приехал в Прагу к другу и снимал все, что там происходит, для своего дипломного фильма. А потом мне позвонил мой преподаватель и сказал, что есть возможность поехать в Москву на программу шведского кино. И я, конечно, решил поехать.

– Не жаль было уезжать из Праги? – В бабушкином голосе послышался острый интерес. – Мне кажется, самое важное сейчас происходит там.

Вера хотела перевести сказанное маме, но, взглянув на нее, подумала, что та и сама все поняла. Правда, объяснить мамин испуг – конечно, на лице ее был испуг, этого невозможно было не видеть, и руки у нее вздрагивали, когда она разделявала курицу и раскладывала по тарелкам, – Вера не могла. Прага, что ли, так маму напугала? Но ведь уже полгода все только и говорят о Чехословакии, потому что там все изменилось, и будет еще больше перемен, и все гадают, что там происходит на самом деле, не по-газетному, и что произойдет дальше... А Свен прямо оттуда приехал! Интересно же послушать, что он расскажет.

А больше всего интересен он сам – серьезность его притененных глаз, гармоничность черт его лица, точность и красота каждого движения его рук, очень больших, с широкими ладонями. Вера и следила за каждым его движением – как он наливает всем вино, берет ситный из фаянсовой сине-белой хлебницы... Так замороженно следила, что это выглядело, наверное, даже неприлично. Поняв это, она быстро отвела взгляд.

– Мне очень жаль было уезжать из Праги, да, – кивнул Свен. – Там все бурлит, люди хотят свободы и спорят очень открыто. И каждую минуту что-то происходит. Однажды я провел с камерой на улице двенадцать часов подряд. Работа мысли так значительна, что это отражается на человеческих лицах. Они тоже становятся значительными, поэтому их интересно снимать. У меня такое чувство было раньше только когда я смотрел на портреты в Национальной портретной галерее. И вот теперь на улицах Праги.

Вера вспомнила, как подумала в первую же минуту, когда увидела его лицо: какое оно значительное, будто кино смотришь на экране. Как удивительно это совпадало сейчас с его словами!

– В Праге я не была, – сказала бабушка, – а в Национальной портретной галерее у меня было то же ощущение. Значительности лиц – да, ты прав.

– Вы были в Лондоне? – спросил Свен.

А Вера и не догадалась бы, что речь о Лондоне. Слова «Национальная портретная галерея» не вызывали у нее в сознании именно этот город. А у бабушки вызывали, значит. И у Свена тоже.

– В молодости, – ответила та. – Мы с мужем год жили в Англии. Он был ученый, экономист. Писал книгу.

Вера думала, что Свен начнет расспрашивать об этом, но он лишь посмотрел на бабушку чуть более долгим взглядом и ничего спрашивать не стал.

– Но все-таки я не мог упустить возможность поехать в Москву, – сказал он. – Мне повезло, что так совпало: здесь дни шведского кино, а я кинематографист, хотя еще без диплома.

- Сколько тебе лет? – спросила бабушка.
- Двадцать восемь. Я поздно поступил в университет.
- Почему?
- Если объяснять просто – хотел посмотреть мир.
- А если не просто?

Свен улыбнулся. Он не был улыбочив, и улыбка казалась чем-то очень важным на его лице.

- Мне хотелось понять, есть ли что-нибудь значительное в том, что я чувствую в себе, – ответил он. – Что я смогу сказать людям, если буду снимать кино. Имеет ли мне смысл для этого учиться.

- Но ты ведь снимаешь документальное кино, – сказала Вера. – А события сами говорят о себе.

Включившись в разговор, она перестала чувствовать неловкость от того, что не отрываясь смотрит на Свена.

Ее поразило, что ему двадцать восемь лет, оказывается. Вот почему у него такой серьезный взгляд, не только из-за тени длинных ресниц, но и из-за возраста.

Краем глаза Вера видела, что мама смотрит на нее с тревогой, не понимала этой тревоги так же, как маминого страха по отношению к Свену, но ни то ни другое не казалось ей сейчас заслуживающим внимания. И бабушке, похоже, тоже.

- Расскажи о Праге, – сказала та. – Подробно обо всем, что видел.

Вера никогда не видела в ее глазах такого блеска. Так, наверное, блестели бы глаза человека, который долго и безнадежно шел по пустыне и вдруг увидел колодец.

– Я был бы рад показать вам то, что снял, – сказал Свен. – Но, конечно, не мог взять эти пленки с собой в Москву. Я не думал, что...

Он замолчал, точно запнулся, и посмотрел на Веру.

«Я не думал, что встречу тебя».

Она услышала его слова так ясно, как если бы он произнес их не просто вслух, но во весь голос.

Что-то похожее на стон раздалось справа, оттуда, где сидела мама. Но Вера если и расслышала это, то тут же забыла. Взгляд Свена, тень в его глазах – только это имело значение. Только это.

Глава 9

– Ну и, короче, стал я искать профильную организацию. Чтобы этот гребаный теплообменник заказать. Ткнулся туда, сюда – самая профильная организация, по ходу, Фейсбук. Нахожу там парня, он мне находит фирму в Тамбове, которая теплообменники продает. Они мне рассчитывают цену – мама не горюй. А теплообменник же... Ты вообще знаешь, что это такое?

– Нет, – ответила Маша.

Весь день стояла адская жара, и когда этот Борис позвонил ей и позвал после работы в «Роял Бар» на Речном вокзале, она обрадовалась так, будто приглашение поступило от принца Уэльского. Но принца Уэльского он не напоминает, конечно. Ничем не напоминает.

– Просто пластинки из металла. Штук десять. И штуку евро за них просят! Как такое может быть?

Этого Маша не знала примерно так же, как не знала, что такое вообще теплообменник. Но что быть запросто может все, она знала, о чем и сообщила Борису.

- Правильно понимаешь, - согласился он. - Может, все-таки пивка хлебнешь?

- Не-а, - отказалась она. - Мохито предпочитаю.

- Дело твое. Как по мне, мята только от поноса хороша. И то если водкой залить.

Мохито Маша пила безалкогольный, да. Опьянеть на жаре - не соблазняла ее такая перспектива. Тем более за компанию с Борисом. Вот зачем согласилась с ним встретиться? Слушай теперь про теплообменник.

- Ну, я, короче, стал другие фирмы обзванивать. И началось! Реквизиты организации им скинь, опыт работы на рынке опиши, чертежи установки, для которой теплообменник нужен, пришли... Какого тебе сдались мои реквизиты, если ты ничего мне продать не хочешь?! Я тебя прошу изготовить десять металлических пластин, вот тебе их длина, ширина, толщина. А ты меня на бабки разводишь и твердишь, что я слишком мелкий клиент, вот в чем моя проблема.

Машина проблема была в том, что Борис накачался пивом уже до стадии «а поговорить», и неизвестно, не последует ли за ней агрессивная стадия, причем в тот самый момент, когда Маша скажет, что ей пора домой. Так-то вроде он агрессивным не выглядит... Но она ведь может и ошибаться. Ошиблась же два дня назад - при знакомстве в парке Горького, где Борис подкатился к ней на сигвее, он показался веселым спортивным парнем с живым блеском в глазах. А теперь красный, потный и уже полчаса несет какую-то лабуду, не испытывая ни малейшего сомнения в том, что ей это интересно.

- В общем, девять производителей мне отвечают одно и то же: штука баксов минимум. Спасибо им, конечно, что не штука евро, но не пошли бы они... И тут мне в голову приходит: а дай-ка в Китай напишу. Просто по ссылке прошел. И что ты думаешь?

Взгляд его оживился так, что Маше, которая в этот момент не думала, а от нечего делать проветривала голову, стало интересно, чем дело обернулось.

- За двадцать две минуты решили вопрос! - торжествующе объявил Борис. - Их инженер сразу же на скайп мне позвонил, спросил про критические режимы

работы теплообменника – и все, сформировали заказ! Еще, прикинь, написали: мы вам вышлем пластины, а для рамы приложим чертеж, ее на месте любой сварщик сделает, а то она тяжелая, и отсюда вам дорого будет оплачивать пересылку. А? Как тебе? Назавтра выслали пластины, через месяц получил. Еще уплотнители добавили, тут никто мне и не сказал, что уплотнители нужны. В сто сорок долларов встало вместе с доставкой, плюс раму мужики в гаражах сварили за три тысячи. Рублей, заметь, не евро. И все, работает моя пивоварка. Я потом специально тот завод китайский на гугловских картах посмотрел – больше Тамбова по площади. Город целый! И не в падлу им с копеечным заказом возиться, звонить, консультировать, еще и деньги мои экономить.

– Ты в Тамбове живешь? – спросила Маша.

– Бизнес у меня в Тамбове, пивоварни. А сам сюда перебрался. Три месяца уже.

«А жена с двумя детьми пока не перебралась», – подумала Маша.

– И что, ты скажи, может быть со страной хорошего, когда такое отношение к труду? – Борис придвинул к себе очередной бокал. – Я не про Китай.

Неплохой, наверное, парень, а что вспотел, так ведь жара. Но ей-то до него никакого дела нет.

«Вот в чем моя проблема», – подумала Маша почти весело.

И правда, чего грустить? Вечер с Борисом прошел не хуже, чем без него, вода серебрится в реке, птицы поют на все голоса и на всех деревьях просторного парка у Речного вокзала, у нее новая юбочка салатного цвета с оранжевыми принтами, давно искала такую, чтобы стояла колокольчиком, но размер не попадался... И даже автобус пришел сразу, так что до Сокола доехала, пока не стемнело, правда, сейчас всю ночь светло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/berseneva_anna/kokteyl-nye-vecherinki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)